

**ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
КАФЕДРА ЯПОНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

РЕФЕРАТ

НА ТЕМУ:

А к т у а л ь н ы е П р о б л е м ы Я п о н о в е д е н и я

ВЫПОЛНИЛА: МАГИСТРАНТКА 1 КУРСА

Балтиева Малика

ТАШКЕНТ - 2010

Введение

Для должного понимания современных социолингвистических проблем необходимо кратко охарактеризовать, как сложилась такая ситуация. Мы не имеем возможности рассмотреть здесь всю историю социального функционирования японского языка; проблематика изучена в ряде работ, как в Японии, так и в Узбекистане.

Как известно, переломным моментом японской истории была буржуазная революция 1867–1868 гг. Последовавшая за ней эпоха была периодом формирования и развития японского капитализма, активной европеизации японской культуры. Многие из того, что осталось от феодальных времен, не соответствовало новым общественным отношениям. Одной из проблем, требовавших скорейшего решения, была проблема языка.

Для феодальной Японии был характерен типичный для феодальных государств разрыв между разговорным и литературным языком. Население Японии говорило на многочисленных сельских и городских диалектах, причем в условиях феодальной раздробленности и географической обособленности различных районов страны диалектные различия были значительными. Носители достаточно удаленных диалектов не могли понимать друг друга, в то же время они, как правило, не владели какой-либо общей языковой системой.

Основной часть

Единственным сформировавшимся литературным языком в Японии до второй половины XIX в. был старописьменный японский язык, или бунго [Этот термин буквально означает «литературный язык» и представляет собой кальку с голландского. Он распространился уже после революции 1867–1868 гг. (ранее общепринятого термина не было, так как бунго считался единственным «настоящим» языком в противоположность «простонародным» диалектам). Историю этого термина и противопоставленного ему термина «кого». Наряду с бунго использовали и японизированный китайский язык (так называемый камбун), господствовавший до XIX в. в сфере официальной документации и в конфуцианской науке. Бунго сложился в эпоху Хэйан (IX–XII вв.) на диалектной основе Киото, столицы Японии того времени. Первоначально бунго мало отличался от языка, на котором говорили высшие социальные слои столицы, но постепенно разрыв между устной речью и письмом становился все заметнее. Устная речь не кодифицировалась, а язык, лежащий в ее основе, постоянно изменялся. При написании текстов на бунго первоначально происходила ориентация на язык авторитетных памятников как на образцовый, а с XIII в. началось установление языковых норм. Идея об историческом развитии языка была чужда японским филологам феодальной эпохи, нормирование языка понималось как следование литературе VIII–XII вв. и очищение его от «порчи», т. е. от элементов, появившихся позже, и от диалектизмов. Японские филологи, особенно ученые XVII — начала XIX в., создали весьма изощренную технику вплоть до довольно

совершенных методов фонетической реконструкции с целью сохранить бунго в неизменном виде. Уже к XIII–XIV вв. орфография бунго была далека от реального произношения, а в XIX в. бунго представлял собой особый язык, никому не понятный без специального обучения.

Бунго использовался по всей Японии, на нем создавались произведения художественной литературы, а позднее и некоторые научные сочинения. Крупнейшие японские писатели XVII–XIX вв.: Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон, Дзиппэнся Икку и другие — вводили в произведения разговорные элементы своего времени, однако основой их авторского текста был все же бунго (анализ языка этих писателей. Безусловно, бунго, давно потерявший разговорную основу и употреблявшийся лишь на письме [Произносительных норм бунго никогда не существовало, каждый носитель японского языка читал тексты на бунго вслух на своем диалекте (а после создания нового литературного языка — обычно на нем); существовавшие традиции произношения (например, в театре) были скорее жанровыми.], не годился на роль общенародного языка буржуазной Японии.

До буржуазной революции 1867–1868 гг. все формы существования японского языка, за исключением бунго, были территориально ограничены. Это определялось тем, что на большей части территории страны, особенно в сельской местности, просто не было необходимости в междиалектном общении. Прикрепление крестьян к земле, запрещение передвижения для значительной части населения в Японии XVII–XIX вв. способствовали консервации диалектной раздробленности. Лишь три языковых образования в

Японии того времени (не считая бунго) выходили за рамки обычного диалектного использования.

Во-первых, это столичный, киотоский диалект. Он считался наиболее престижным, что отмечали и первые европейцы, побывавшие в Японии в XVI–XVII вв. Он был известен и за пределами Киото, а в конце XVI — начале XVII в. предпринимались попытки создания на нем литературных произведений. Однако выдвижение Эдо как экономического и политического центра Японии прервало складывание литературного языка на киотоской основе.

Во-вторых, это диалект Сюри (окинавский), использовавшийся как средство междиалектного общения на о-вах Рюкю. В период независимости этих островов (1429–1609), а затем их полунезависимого существования (1609–1872) на основе диалекта Сюри сложился определенный языковой стандарт; появились и литературные тексты, написанные по-окинавски. Однако формирование этого стандарта было прервано в конце XIX в. в результате общегосударственной языковой политики, направленной на единство литературного языка во всей Японии. [В западноевропейской и отечественной литературе конца XIX — первой половины XX в., начиная с работ Б. Х. Чемберлена, употреблялось название «рюкюский язык», иногда существующее и в настоящее время. Сейчас в Японии говорят только о рюкюских диалектах, что с социалингвистической точки зрения оправдано, поскольку о-ва Рюкю, как и вся остальная территория Японии, обслуживаются литературным японским языком.]

В-третьих, это так называемый эдоский (токийский) диалект. Это традиционное название нельзя признать точным. С

одной стороны, данное языковое образование использовалось не во всем Эдо (с 1868 г. — Токио), а лишь в его западной, нагорной части (Яманотэ), более зажиточной и престижной по социальному составу; говор восточной, приморской, части города (Ситамати) имел значительные особенности, не исчезнувшие до конца даже в наши дни (к этому вопросу мы еще вернемся); говор Ситамати был ближе к окружающим Эдо сельским диалектам Восточной Японии. С другой стороны, так называемый эдоский диалект был скорее наддиалектным образованием, включавшим в себя элементы разного происхождения. С XVII в. Эдо стал ведущим политическим и экономическим центром страны, в котором постоянно сталкивались выходцы из различных районов Японии. В течение двух веков сложилось эдоское наддиалектное образование, где на восточнояпонскую диалектную основу наложился элементы других диалектов, носители которых попадали в Эдо, особенно диалекта Киото и диалектов по дороге из Киото в Эдо, в частности диалекта провинции Микава. Фонетика и акцентуация эдоского наддиалектного образования были чисто восточнояпонскими, но грамматика и лексика приобрели немало элементов иного происхождения, отсутствовавших в говоре Ситамати. Как указывает лингвист Танака Акио, эдоское наддиалектное образование было первоначально употребительным в самурайской среде; основная линия развития была следующей:

1. язык эдоских самураев;
2. язык зажиточных горожан верхней части Токио;
3. язык верхней части Токио;

4. стандартный японский язык Хотя до революции 1867–1868 гг. эдоское наддиалектное образование не употреблялось на письме, оно считалось престижным и благодаря переездам самурайского и отчасти торгового населения было известно и за пределами Эдо (Токио), ставшего с 1868 г. столицей страны.

Изменившиеся в связи со становлением капитализма социальные условия — формирование единого рынка, рост миграций населения и расширение контактов между людьми, развитие культуры, науки и техники — требовали создания языка, на котором могло бы общаться все население Японии. По вопросу о том, как строить этот язык, первоначально существовали разные мнения. Влиятельный политический деятель того времени Мори Аринори даже предлагал отказаться от японского языка как неадекватного новым задачам и перейти на английский. Были и сторонники сохранения бунго, который во второй половине XIX в. даже расширил свое функционирование: после выхода из активного употребления японизированного китайского на бунго была переведена официальная документация, в созданной в эти годы системе школьного обучения бунго занимал большое место.

Однако единственным реальным выходом из положения было формирование литературного языка на разговорной основе. Особая роль токиоского наддиалектного образования привела к тому, что с самого начала новый литературный язык складывался на его базе. При этом происходило пополнение языка и за счет других источников. Продолжалось, особенно на первых порах, воздействие других диалектов, в частности диалектов провинций Сацума, Нагато, Тоса,

носители которых играли заметную роль в буржуазной революции (см.. Но более важным было влияние бунго. Отвоевывая у бунго один функциональный стиль за другим, новый литературный язык, получивший наименование «кого» [Этот термин означает «разговорный язык», также представляя собой кальку с голландского. Широкоупотребительный до войны, сейчас он встречается редко, поскольку противопоставление «кого — бунго» перестало быть актуальным. Литературный язык в противоположность диалектам и другим некодифицированным формам языка называется «хёдзюngo» («стандартный язык») или (в последнее время чаще) «кёцуго» («общие язык»).], включал в себя лексику, характерную для данного стиля; значительная часть культурной лексики и терминологии, употребительной до сих пор, первоначально была принадлежностью бунго. Заметны заимствования из бунго и в грамматике. Показатель долженствования *-бэки*, показатель местного падежа *нитэ*, показатель исходного падежа *ёри* еще в средние века исчезли из разговорного языка, но сохранились в бунго, откуда перешли в новый литературный язык, существуя в нем и сейчас. Как писал Н. И. Конрад, «из соприкосновения с гибким и выразительным... языком новый... язык вышел обогащенным, и притом не чуждыми ему элементами, а элементами, ему близкими». Наконец, большое количество слов, обозначающих новые понятия (включая заимствования), появлялось уже в самом кого без посредства бунго или диалектов.

В течение более полувека в Японии существовали два литературных языка — бунго и кого. Конечно, сильно упрощенным было представление наших японистов 30-х годов о бунго как

«феодалном» и кого как «буржуазном» языке, но само сосуществование этих двух языков было следствием противоречивой социальной структуры японского общества конца XIX — первой половины XX в., когда развитие капитализма сопровождалось наличием значительных феодальных пережитков. Сохранению бунго способствовал его многовековой авторитет, поддерживавшийся японскими правящими кругами. Еще в 1941 г. известный языковед Токиэда Мотоки писал, что для японцев бунго и кого различаются не как разные исторические фазы японского языка, а прежде всего как его более и менее престижные варианты.

Однако, как справедливо указывал Н. И. Конрад, существование двух литературных языков не может удерживаться долго. По мере своего совершенствования кого отвоевывал один функциональный стиль за другим. Уже к концу XIX в. он завоевал позиции в художественной прозе (в поэзии бунго оказался более стойким). Крупные писатели конца XIX — начала XX в., прежде всего Фтабатэй Симэй и Ямада Бимё (бывший также и языковедом), а затем Нацумэ Сосэки, Симадзаки Тосон, Сига Наоя и другие сыграли значительную роль в формировании нового литературного языка и в укреплении его авторитетности. К концу XIX в. на кого стала издаваться и периодика, хотя в газетном языке влияние бунго на него оказалось особенно значительным. Новые сферы коммуникации, в частности радио, с самого начала обслуживались кого. Медленнее шел процесс замены литературного языка в сфере науки: еще в 20–30-е годы при написании научных трудов нередко использовался бунго; однако в предвоенные годы кого и здесь стал превалировать. Единственной областью, в которую вплоть до разгрома японского

милитаризма не допускался новый язык, была официальная документация: императорские указы, законы, юридические документы, воинские приказы и донесения, деловые бумаги, официальные письма и т.д. составлялись на бунго (подробнее историю распространения одного языка в разных сферах коммуникации).

Заключение

К концу XIX в. в Японии была создана современная система образования, и еще до начала второй мировой войны Япония была страной сплошной грамотности. Основой школьного обучения стало преподавание единого для всей страны литературного языка. До войны в школах изучали бунго и кого, но если нормы бунго были разработаны еще давно, то нормы кого фиксировались уже в ходе распространения преподавания на нем, что поначалу создавало немало трудностей. Формирование официальных норм кого задерживалось отчасти из-за позиции японских языковедов, которые долго единственным достойным внимания объектом исследования считали бунго. Первая достаточно полная нормативная грамматика кого была выработана министерством просвещения лишь в 1917 г.